

ЛИМОНОВ

Лимонов С.

20.02.03

NG EX LIBRIS (прил. к Независимой 103). 2003. - 20 февр. - с.5

Это праздник с кандалами на ногах...

Седой человек в серой клетке

Сергей Шаргунов

Жующие рты гудят: «инфантил», «вечный тинейджер», изредка из отхлебывающей плоти выскользнет: «Искренний все же!» И тут же поправятся: «По-подростковому, конечно».

Нет, не подросток. И не искранный. Просто ведаёт тайну искусства, связанную с наивно-стью. Здесь высокий примитив «лианозовской школы», поэта Кропивницкого... «Поэзия должна быть глуповата». Зато в простом русле возможны самые игровые и пённые волны, любые стилистические повороты, что и демонстрирует нам Лимонов, если вчитаться.

Кто-то полагает, что он проживает свои тексты, стремясь очутиться в центре безумных

его — памятники неискренности! Не животные вопли, а искусные позы. Впрочем, на то литература и дана, чтобы вымысел был правдоподобен. И вообще, сознательная игра достойнее глупой честности, ибо не по лжи, по главному счёту жить нельзя, не по лжи можно только НЕ жить — экзистенциальная истина!

Но сегодня речь о воистину «нон-фикшне». Тяжело, больно и конкретно. Над старцем в кандалах многие — кто явно, кто исподтишка — потешаются. Второй год мучений Эдуарда с его сердечными перебоями и хрупкими костями и идеями... Круглосуточные сокамерники и надсмотрщики — и их «понятия». На воле — стёб...

Мне было 16, когда нас познакомил. Шёл я по скользким улицам и наткнулся на

Очень многим хочется сделать из писателя экспонат. Hate!

Фото Д. Донского, В. Иванова (НГ-фото)

уже собирался двинуть дальше в свой одинокий путь. Но тут в небе раскололся осенний гром, Лимонов дрогнул бровью и

сам подошёл. Быстрый неприветливый разговор.

Правда, странные нити связывают нас. Например, он был у

меня, кудрявый, улыбался на пороге квартиры, когда я ещё не родился, а он не эмигрировал ещё. Он провожал к моим роди-

телям милую Анастасию Цветаеву. А мой отец знал Анну Рубинштейн, первую лимоновскую жену, позднее повесившуюся, она плакала, слала исповедальные письма в громадных конвертах... Чернила на тех конвертах были расплывчатые от ее разрывающихся слез.

Сжить неугодного со света хотят сегодня служки системы, все эти "государственнички". Они живут в мире насекомых. Посматривают на седого человека в серой клетке, как на паучка в паутине... Посматривая, презирают.

Правильно, Лимонов — он же не царственная моль какая-нибудь. Экзотичный «паук» Лимонов ядовито опасен.

Летом, когда я впервые побывал в Саратове, ко мне уже подходили. Хмельной, в жаре, я таскал нудного чекиста за собой и стыдил его перед старушками, торговавшими семечками: «Вот он, ваш кровопивец!» Потом он ждал меня у сортира и сторожил мой саквояж.

...Идем с ним мимо замерзшей Волги. Снежок под сапогами. Пар надо льдом. Дым над пашлычной. «Мы могли бы служить в разведке, мы могли бы играть в кино», — хрипая песенка из динамика. Мой спутник подсыпывает. «Креветке... — думаю я, ожесточенно вытаскивая снег. — Креветке мы могли бы служить...»

22 февраля у Эдуарда как бы праздник. Исполнилась старость.

Саратов. Ул. Кутякова, дом 107. Изготовлен 64/1.

Поздравляю Саша с днем рождения.

Желаю всяческих свобод! ■

Над старцем в кандалах многие — кто явно, кто исподтишка — потешаются

событий, а значит, и новых книг. На деле же это про него Бабель подметил: «Скандалит за письменным столом». Не солнечно-мускулистый Супермен. Нет, книжно лопочет, разглядывая нервные руки. Недаром нискал в каземате прозвище «академик». И события он умышленно приукрашивает, из пальца выискивая интригу, придавая банальной текучке романтический блеск. И книги

толпу. Под дождем и красным листопадом они подпрыгивали и кричали. В толпе заметил знакомое лицо, парень-студент. Я сказал: "Здорово. По-знакомь с Лимоновым". Парень принял к бледному уху... Обладатель уха, человек в черном, блеснув черным, сырм от дождя перстнем, повернулся: "Кто такой? Бывал у нас на собраниях? Нет? Не буду знакомиться". Я пожал плечами и

... И острый галльский смысл

Лимонов как герой Великой французской революции

Владимир Абель

Первой книгой Лимонова, которую я прочел, был «Палач». У каждого была своя первая книга Лимонова, далеко не все начинали с «Эдички» или с патриотической публицистики в газете «День». И.о. председателя НБП Анатолий Тишин открыл для себя Лимонова, прочитав рассказ «Муссолини и другие фашисты» в «Нашем современнике», а я того же «Муссолини...» впервые прочел совсем недавно, год назад. Когда кто-то врет, что Лимонов извивался, менял взгляды, пусть прочтает этот рассказ двадцатилетней давности — там уже есть все про НБП, вся, в крепкой художественной оболочке, идеология будущей партии.

Так вот, «Палач». Книгу дал мне Ярослав Могутин, предложив что-то из нее перепечатать в газете «Еще». Я прочел «Палача», и меня, как выражаются мои молодые однопартийцы, торкнуло. Но не сексуальные сцены — редактор «Еще», а перед тем культурного журнала «Третья

модернизация», я, можно сказать, плавал в море литературных половых актов. Секса хватало... «Палач» удивил меня своей традиционностью, XIX веком. Но не русским, а французским.

В русском романе XIX века герой ведет войну на метафизическом фронте. Воеет с Богом, мечется между Богом и дьяволом, между верой и наукой, и все это под разговоры о вечном и т.п. Во французском романе герой воеет с единичным социумом за место под солнцем, говоря лимоновским языком — навязывает себя равнодушному миру. И продуктивные, просчитанные связи с женщинами становятся самым эффективным оружием героя в его борьбе. А вот любовь, настоящая любовь, приводит к неудаче, срыву, поражению, смерти.

Так чем палач Оскар не Жюльен Сорель, не Растигьяк, не «милый друг» Мопассана? Вот примерно о чем подумал я, прочитав «Палача». Это было лет 10 назад.

Эти мысли — о французском писателе Лимонове — снова всплыли у меня при чтении

«Книги мертвых» и «Книги вольды». Самые нежные страницы посвящены Франции. Так и хочется сказать — Прекрасной Франции. От страниц, описывающих французский ландшафт или персонажей-французов, друзей автора, исходит то же «человеческое, слишком человеческое» тепло, что и от харьковской трилогии Лимонова.

Но главный вывод для себя я сделал после того, как побывал на суде в Саратове, поучаствовал в этом организованном спецслужбами, но вышедшем из-под их контроля спектакле. Я был важным свидетелем, со мной долго общались судья, прокурор, адвокаты. Спорили обвинение и защита, говорил судья, говорили подсудимые. Лимоновские реплики из-за решеток были по-галльски остры, били в точку, а не размазывали вокруг да около, как это вообще-то свойственно русскому изматывающему стилю общения. Кроме того, у Лимонова мастерски сочетались слово и жест, четко практически не встречается у российских политиков.

Лимонов выглядел иностранцем — вот что я хочу сказать. Не «инородцем» в клиническом смысле слова, а именно иностранцем. Русским из Парижа. Длинные волосы, нетипичные для ээка, еще добавляли иностранности в его облик. Авторы фильма-заказухи «Суд над призраком» намекнули на схожесть Лимонова с Троцким, сам себя он сравнивает с Чернышевским. Но я, когда думаю о Лимонове, мысленно помещаю его на трибуну революционного французского Конвента в 1791, 1792 или 1793 год.

Солдат третьего сословия, мечущий грома и молнии в измешенных-аристократов. По ночам пишущий статьи в самую экстремистскую якобинскую газету, чтобы утром мальчишки разнесли ее по самым мятежным предместьям революционного Парижа.

В качестве комиссара Конвента выезжающий на подавление контрреволюционного мятежа куда-нибудь в Вандею или Лион. Дантон, Робеспьер, Лимонов, Сен-Жюст...

Французы умеют блестяще формулировать. «Каждый человек имеет право убить тирана, и народ не может отнять этого права ни у одного из своих граждан» (Сен-Жюст, 1793 г.). То есть народ, масса вправе диктовать отдельно взятой личности какие-то нормы бытового поведения — куда там окурки бросать, после скольких часов музыку громко не слушать и т.п., но что касается убийства тирана — тут, народ, извини подвинуся. Этой свободы, этого права ты у индивида отнять не можешь.

Лимонов — быстрый человек, стремительный, а Россия — страна медленных людей. Разница темпов привела Лимонова в тюрьму. Россия только сейчас начала всматриваться в нас, в НБП, сонным оком своим. Отчасти сочувствующим, отчасти недоумевающим.

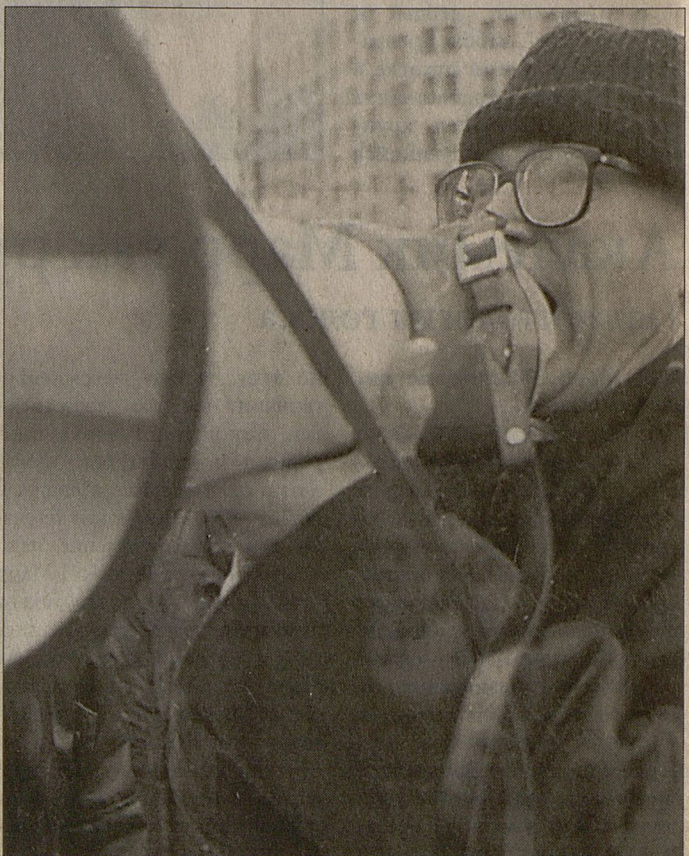
Это все к вопросу о литературе. Русская литература XIX века была народнической, то есть уповала на некие скрытые силы в народе. Она, русская литература, наплотила гигантское

количество иллюзий относительно «человека из народа». Эти иллюзии, к сожалению, все никак не умрут, зато активно разлагаются.

И вместе с иллюзиями разлагаются все, кроме НБП, современные коммунистические и патриотические партии России, — поскольку являются не чем иным, как материальным воплощением этих народнических иллюзий XIX века. Ждут у моря погоды, ждут подкаски из сказочных народных «глубин». Ну-ну, ждите...

А стремительный парижанин Лимонов, сидя в российской тюрьме, легко перешагнул через народ и через время и начертил контуры Другой России — внятной, свободной, воинственной и без всякой большой метафизики. ■

Владимир Абель — лидер латвийских нацболов, автор инквизиционных текстов «Вторая Россия»; и прошлом — издатель и главный редактор газеты «Еще», журнала «Третья модернизация».

Лимонов объявил себя «не писателем», обеспечив властям культурное алиби. Фото А. Жиганова (НГ-фото)

таковы они были, когда назывались любовью.. Стало быть, значение литературы состоит еще в том, чтобы предохранять данные опыта от энтропии. Вот, пожалуй, и все.

Однако сегодня о назначении литературы думать не принято. Считается, что пользы в ней быть не должно, а легкий вред допускается. Литературная критика превратилась в этакую «легалит» — движение за легализацию легких наркотиков. Литературное занятие спелось самоценным. Значимость произведения определяется его «качеством», соответствием уставу литературного монастыря. И ладно бы Касталия во дворе!.. Так ведь там другое. Люди задыхаются, гибнут. Исчезает страна, рассеивается народ. А литературные господа назойливо тычут «определяющим развитие актуальной литературы» писателем Геласимовым с его схоластическими опытами в области герменевтики жанра: эва, с чем возродимся!..

Геласимов, допустим, писатель хороший. Непонятно только: зачем? Ведь существо-

вание литературы ценности не имеет, ценность имеет только жизнь общества. Мне все равно, будут ли мои дети талантливы, если они больны — были бы живы! Если горит дом — не надо песен. Завтра граффомоны не понадобятся.

Французская писательница Джейн Берков во времена оны сочинила предподкорректированный роман «Люди или животные» — об открытии племени обезьянок, биологически подозрительно близких к людям. Для решения научной задачи, сформулированной в заглавии романа, герой-антрополог совокнулся с одной из таких обезьянок и убил новорожденного детеныша, вынудив общество разрешать проблему в судебном порядке.

Эксперименты Лимонова со словом и делом, эксперименты власти с самим Лимоновым напоминают мне эту коллизию. Поэт или гражданин? Тварь брехливая или право имеет?.. Два года — полет нормальный. Лимонов не писатель, а значит, должен сидеть в тюрьме. Чужденно. Я ему посочувствую, когда туда посадят Сорокина. ■

CURRICULUM VITAE

1943. 22 февраля в г. Дзержинске (Горьковская обл.) у офицера НКВД Вениамина Ивановича Савенко и Раисы Федоровны Зыбиной родился сын, которого назвали Эдуардом в честь поэта Багрицкого. После войны семья переезжает в Харьков.

1958. Эдуард участвует в ограблении магазина и начинает писать стихи.

1963–1965. Оканчивает школу-восьмилетку; работает сталеваром, монтажником-высотником.

1967. Вместе с первой женой, Анной Рубинштейн (1937–1990), приезжает в Москву. Живет без прописки, шьет брюки московской богеме. Посещает семинар Арсения Тарковского, считает своим учителем Евгения Крапивницкого.

1973. Октябрь. Венчается с Еленой Щаповой; получает предложение от КГБ стать осведомителем, отказывается.

1974. Эмигрирует в США. Работает каменщиком, официантом, гувернером, мажордомом и т.д.

1975–1976. Корректор в газете «Новое русское слово». Оближается с троцкистами. Советская газета «Неделя» перепечатывает из «Нового русского слова» статью Лимонова «Разочарование», после чего его увольняют. Елена Щапова бросает Лимонова.

1976. Первый роман «Это я — Эдичка» (Париж, Руссика). «Ну вот и стал настоящим педерастом, — подумал я и слегка хихикнул. — Не испугался, переступил кое в чем через самого себя, сумел, молодец, Эдйка!.. Я был счастлив и доволен собой, так же, как и на следующее утро, когда, проснувшись, лежал с улыбкой и думал о том, что, конечно, я единственный русский поэт, умудрившийся по...ся с черным парнем на Нью-Йоркском пустыре».

1979. В издательстве «Ардис» (Анн Арбор) выходит книга стихов «Русское». «Ах родная родная земля / Я скажу тебе русское — «бля» / До чего в тебе много иных / молодых и нагих // Так зачем же тебе я — урод / народившийся из темных вод / подколодных ночных берегов / городов /... Отвечает родная земля / — Ты назад заведи свои «бля» / Только ты мне и нужен один / Ты специально для этих равнин...»

1980. Женится на Наталье Медведевой (1958–2003); переезжает во Францию.

1982. Романы «История его слуги», «Дневник неудачника».

1983–1991. Печатаются в журнале «Синтаксис»: «Я шел по Бродвею, одетый в полковничий плащ / Полковник был русский, а после — нацистский палач / Покончив с войною, в Нью-Джерси приплыл в пароходе / И умер недавно согласно закону в природе», В издательстве «Синтаксис» выходят романы «Подросток Савенко» (название придумала М.Розанова), «Молодой негодий».

1984. В Нью-Йорке выходит книга Елены Щаповой «Это я, Елена (Интервью с самой собой)» contra «Это я — Эдичка».

1986. Роман «Палач»: «За шесть месяцев в роли палача я преуспел много более в этом мире, чем за шесть лет честным официантом и рас...дям», — пораженно открыл для себя Оскар.

1987. Под напором левых интеллектуалов и вопреки DST (контрразведка Франции) получает французское гражданство. Член редколлегии еженедельника «L'Idiot International».

1988. Знакомство и дружба с Юлианом Семеновым (1931–1993); первая публикация в России — рассказы «Коньяк «Наполеон» и «Дети команданта» в «Детективе и политике».

1989. Первая публикация в толстом журнале — «У нас была Великая Эпоха» («Знамя», 1989, № 11).

1990. Самоубийство Анны Рубинштейн.

1992. Французская премия «Jean Freustie» за роман «Иностранец в родном городе» (Ramsay) — о первом после эмиграции посещении Москвы и Харькова. Получает французское гражданство РФ; министр безопасности в «теневом правительстве» Либерально-демократической партии. В ноябре из партии выходит.

1991–1993. Сербия, Приднестровье, Абхазия. Октябрьские события в Москве.

1993. Михаил Шемякин (после того как в ночь с 3 на 4 октября у Моссовета ему хотели набить морду, спутав с Лимоновым): «Мне кажется, что Лимонову все до фени. Кроме себя. Он очень талантлив. Внутри очень одинок. Он проник в гущу интереснейших событий... Но я мало верю в то, что Лимонов — приверженец какой-либо политической идеи. Разумный, чиничный, саркастичный человек...»

1993. Выдвигается кандидатом в Госдуму по Тверскому округу № 172, проиграл Татьяне Астраханкиной (КПРФ).

1994. Книга «Лимонов против Жириновского». Выступает за принятие Госдумой закона о запрете абортов: «Аборты перестали быть личным делом женщин, а стали государственным делом». Создание вместе с Александром Дугиным Национал-большевистской партии; издание «Лимонки». В НБП вступают Сергей Курехин (1954–1996) и Егор Летов. «Авангардно-хулиганская эстетика Лимонова терпима к сексуальным вариациям, психоделке, любым экстремальным формам проведения досуга. В ките-лях бундесвера, в тяжёлых подкованных башмаках, с Селином, Кастанедой или Эзрой Паундом под мышкой, нацболы шагают по коридорам модных университетов» («Русский телеграф» от 24.12.1998).

1995. Январь. Поддерживает ввод войск в Чечню; предлагает Ельцину опереться на поддержку НБП. Наталья Медведева уходит к Борову («Коррозия металла»). Лимонов объявляет конкурс на самую красивую девушку России. В качестве награды — ночь с главным редактором «Лимонки».

О себе: «Лимонов — это разумный человек, это человек, как сейчас любят говорить, цивилизованный, это человек современный». **13 октября** зарегистрирован кандидатом в депутаты Госдумы; Центризбирком, поколебавшись, разрешает указать в бюллетене псевдоним Лимонов. Собирает 1,84% голосов избирателей. **1996.** Книга стихов 1976–1982 гг. «Мой отрицательный герой» («Пагол»). 18 сентября возле Бункера (штаба НБП на 2-й Фрунзенской) избит тремя неизвестными. **Октябрь.** Налет на Бункер; избиты несколько человек, похищены анкеты членов партии. **1997.** Взрыв в Бункере. Жертв нет. Виновные не найдены. **1998.** «Анатомия Героя» выходит в Смоленске (Русич). «Мне уготована смерть Героя, а не случайной жертвы или обманувшегося любовника...»

2001. 7 апреля. Арестован ФСБ на алтайском хуторе. **2002. Февраль.** Лефортово: «Тюрьма — это репетиция смерти. Как с высокой вершины, открываются мощные виды на человечество, копающееся на своих мерзлых и жалких нивах. Тюрьма дает право на величие». В Лефортово написаны «Книга воды» (Ad Marginem), «Моя политическая биография» (Амфора) и «В плену у мертвецов» (Ультра-Культура).

Сентябрь. Саратов: СИЗО № 1 «Здесь есть люди, которые читали многие мои произведения, в том числе и мой первый роман, и относятся ко мне с уважением».

9 сентября. Начало судебного процесса по делу Лимонова.

2003. В ночь на 3 февраля умирает Наталья Медведева. «Но я гляжу внимательно и жду / Когда-нибудь, в каком-нибудь году / Она вдруг отрезвевает и поймёт, / И ужаснётся её сладкий рот, / И закричит те нужные слова: «Люби любовь права! права! права! / А я больна была и всё убила. / Прости меня!» — Ли одёрнет маску рыла...»

12 февраля. Саратовский областной суд завершил рассмотрение дела Эдуарда Лимонова. Приговор будет оглашен 15 апреля.